

Три сестры, три разные судьбы — все как в сказке. Первая сестра вышла замуж за бизнесмена, который никогда ее не любил, изменял и в грош не ставил. А когда она забеременела, обвинил в измене... Вторая сестра наперекор родителям связала свою жизнь с неизлечимо больным парнем. А третья уехала на заработки за границу. Там, вдали от дома, у нее завязался страстный роман. Вернувшись, она узнает, что беременна. Вопреки предупреждениям врачей она рождает «солнечного ребенка». Но радость материнства длится не долго, и малыш остается сиротой... В своем последнем письме мать просит своих сестер позаботиться о самом дорогом, о своем ребенке. Но смогут ли они забыть старые распри, переступить через собственную гордость ради маленького сердца, которому так нужны любовь и тепло?..

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5638-5

9 786171 256385

Светлана Талан

Согретье солнцем

Светлана Талан

Светлана Талан

Созревшие
СОЛНЦЕМ

Светлана Талан

Согретье СОЛНЦЕМ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
Т16

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

ISBN 978-617-12-5638-5

- © Талан С., 2018
- © DepositPhotos.com / TTstudio, sliper84, AlexLipa, VitalikRadko, Steevy84, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

СОГРЕТЫЕ ИХ ТЕПЛОМ

Светла, чиста... Который год
Ей счастья, кажется, не надо,
И никого она не ждет,
И на лице ее отрада.
Летает мыслью в мир другой —
Где нет обиды, зла и мести,
И между этой суетой
Не ждет — ни похвалы, ни лести.
Все дни сливаются в один,
И календарь листать устала.
И в небе журавлиный клин
Глазами грустными достала.
Не станет пить с любимым вино —
С единственным ей лишь хотелось...
Так уж в душе заведено,
Что в мудрость женщина оделась.
Погладит ветер ее прядь,
А ночь луну вплетает в косы,
Не всем, увы, дано понять,
Что крик сильнее у безголосых!
Подводных много есть камней —
Но черное не побелеет!
И Богу с высоты видней:
В ком есть огонь, а кто лишь тлеет!

Танюша Алексейчук

2018 год

От родительского дома в Липовом до соседнего районного центра Ангелина и Злата ехали молча. Всего-то тридцать километров по ухабистой дороге, но путь казался им бесконечным. «Рено» Ангелины цвета мокрого асфальта раскачивался из стороны в сторону, как откормленная по осени жирная утка. Вспыльчивая Геля, как все ее звали, не имела сил возмущаться дорогой, похожей на полигон для танков. Она всматривалась вперед, чтобы не «поймать» очередную яму. Рядом с ней, яркой брюнеткой, сидела, погружившись в свои мысли, ее сестра Злата. Природа не наградила ее такими роскошными, ровными и блестящими длинными волосами, как у Гели. Сестре достались темно-русые волосы, не столь густые и без естественного блеска. Поэтому Злата предпочитала коротко стричься и красить волосы в белый цвет, хотя чаще всего после этого они приобретали желтовато-пшеничный оттенок.

Обе сестры погрузились в печальные размышления. Они так давно не были близки душевно и даже физически, что ни одна из них не могла вспомнить, когда они сидели рядом в машине. Если бы не горе, которое обрушилось на них неожиданно-негаданно, то, возможно, они увиделись бы еще нескоро.

Тридцать километров ужасной дороги, а воспоминания о прожитой жизни успели уложиться в такой короткий промежуток времени. По выражению лица Ангелины трудно было догадаться, о чем именно она сейчас думает. Она всегда, с самого детства отличалась не только дерзким и напористым характером, но и умением при необходимости скрывать свои чувства. Злата имела более спокойный, уравновешенный характер. Она могла расплакаться из-за обидного слова, брошенного кем-то в ее адрес, но и отходила быстро, не копя злость. Мысленно сестры уносились в прошлое, но каждая из них знала, что думают они о разном. Единственная их общая мысль была о том, что они давно не виделись и не сближались, как сейчас, в трудную минуту жизни. Ангелина и Злата помнили, что их объединяло только несчастье, а почему так, они не знали. Впрочем, сейчас был не тот случай, чтобы искать ответ на такой сложный вопрос.

— Наконец-то! — с облегчением произнесла Ангелина, увидев знак с надписью «Храповка». — Ну и название у райцентра! Прочти мне еще раз адрес, — попросила она сестру.

Открыв сумочку, Злата достала паспорт и вынула из него обрывок тетрадного листа в клеточку.

— Улица Переездная, дом одиннадцать, квартира четвертая, — прочла она и снова аккуратно сложила все в сумочку. — Скорее всего, это второй этаж.

«Все такая же педантичная и аккуратная», — подумала Ангелина, покосившись на Злату.

Остановив машину, Ангелина расспросила прохожих, как найти улицу Переездную, и «рено» снова тронулся с места.

— Вот она! — указала Злата на перекошенную табличку с названием нужной им улицы на двухэтажном доме из белого кирпича, который со временем приобрел грязновато-серый оттенок.

— Вижу! — буркнула Ангелина и изящным жестом поправила волосы, откинув их на спину.

Она припарковала машину у первого подъезда старой хрущевки.

— Кажется, здесь, — вздохнула она и вышла из салона.

Злата всерьез разволновалась. Она остановилась у подъезда дома, прислонилась к стене.

— Тебе плохо? — спросила ее Геля.

— Сейчас пройдет, — тихо ответила сестра. Она сделала глубокий вдох, выдохнула и сказала: — Я готова. Пойдем.

Сестры медленно поднимались по ступенькам вверх, будто их неспешность могла отложить предстоящую встречу. Они остановились на площадке второго этажа в размышлениях, в какую дверь позвонить сначала: под номером четыре или пять, где жила Валерия. Ангелина нажала на кнопку звонка квартиры номер четыре, и сразу же послышался басовитый лай крупной собаки. За дверью женский голос что-то сказал животному, и лай сразу же прекратился. Щелкнул замок, дверь распахнулась, и сестры увидели светловолосую женщину лет тридцати.

— Здравствуйте, — сказала Злата. — Мы...

— Я знаю: вы Ангелина и Злата.

— Я — Ангелина, а это — Злата, — Геля сделала шаг вперед, но переступить порог не решилась.

— Я Валерия, — представилась женщина. — Можете звать просто Лерой. Проходите, они вас уже ждут.

Увидев замешательство на лицах сестер, Лера сказала, что они могут смело входить, собака их не тронет. Ангелина не решилась зайти в помещение первой, она побаивалась собак, а судя по лаю, который она слышала, собака была не маленькой. Злата последовала за Лерой по узкому коридорчику. Слева была кухонька, впереди — комната.

Сестры вошли в нее и замерли на месте. На коврике сидел ребенок, а рядом с ним — огромный пес.

— Дэм, это свои, — сказала ему Лера.

Пес настороженно смотрел на незнакомок. Он подтянул и сжал губы, готовый мгновенно встать на защиту ребенка.

— Демирчик, это свои, — повторила Лера. — Вы обратитесь к нему, чтобы он понял, что вы не причините вреда мальчику, — посоветовала она сестрам.

— Обратиться... к кому? — негромко спросила Ангелина.

— К Демиру! — улыбнулась Лера.

— Вы хотите сказать, что я должна... разговаривать с псом? — недовольно произнесла Ангелина.

— Именно так!

— Можно подумать, что собака понимает человеческий язык, — буркнула Геля. — Ну здравствуй, Демир!

— Демирчик, мы свои, — вслед за сестрой произнесла Злата.

Пес, услышав свою кличку, взглянул на Леру, словно прося подтверждения слов незнакомых людей.

— Они свои, Дэмчик, свои, — повторила Лера и погладила собаку.

Похоже, что пес понял: он открыл рот, растянув губы в улыбке и обнажив крепкие белые зубы.

— Боже, какой ужас! — прошептала Ангелина.

Лера отошла в сторону, и сестры переключили внимание на мальчика, который сидел рядом с собакой. У него были светлые, как у его матери, волосы, раскосые глаза и широкая искренняя улыбка.

— Тетя? — спросил он, взглянув на Леру.

— Да, тетя, — ответила она.

Мальчик указал пальчиком на незнакомых женщин.

— Тетя и тетя, — произнес он, улыбаясь.

— Да, малыши, это твои тети, — подтвердила Валерия. — Это тетя Геля, а это — тетя Злата. А это наш мальчик! Скажи тетям, как тебя зовут.

— Дэн! — сказал ребенок и, показав на пса, произнес: — Дэм!

— Умница! — похвалила его Валерия. — Вот и познакомились. Нашего мальчика зовут Денис, а собачку — Демир. А теперь проходите, присаживайтесь, нам предстоит решить судьбу Дэна и Дэма. — И она тяжело вздохнула.

Часть первая

1994–1998 годы

Романия была на кухне, когда случайно услышала разговор родителей в соседней комнате, дверь в которую осталась приоткрытой. Сперва отец долго не мог откашляться, а потом сказал, что в доме нет хлеба на ужин.

— Может быть, девочек послать в магазин? — спросила его жена.

— Не надо, обойдемся. Там такой ветер и гололед, что еще упадут и сломают себе ногу или руку, — ответил отец. — Нам только этого не хватало.

— И то верно, — согласилась с ним женщина.

Отец с матерью заболели одновременно. Когда на занятия в их класс не пришла половина учеников, в школе объявили карантин, а на следующий день грипп свалил родителей Романии. Они вызвали фельдшера на дом, тот прописал множество лекарств, но болезнь не отступала, и уже третий день подряд они лежали с высокой температурой. Романия, или, как ее чаще называли домашние, Рома, сделала для родителей чай с калиной и медом.

— Я вам чашек принесла, — сказала девочка, поставив на тумбочку у кровати две чашки на блюдцах.

— Спасибо, Ромочка, — хрипло произнесла мать. — Ты иди отсюда, чтобы не заразиться.

— Хорошо. Вы не голодны?

— Ничего не хочется, — ответила мать и снова попросила ее уйти из комнаты.

Романия вернулась на кухню. В хлебнице действительно оставался лишь один небольшой кусок хлеба. Девочка направилась к сестрам, которые увлеченно шили куклам платья.

— Всё шьете? — спросила их Романия.

— Ну да! — ответила Геля, не отрываясь от работы. — Это ты у нас взрослая, а мы, по-твоему, еще дети.

Романия различила иронию в голосе Гели, но не обиделась — она привыкла к тому, что они, все трое, были совсем разными, хоть и родились в один день.

— Ромка, а как ты считаешь, одиннадцать лет — это еще дети или уже подростки? — взглянула на сестру Злата, вдевая нитку в иголку.

— Откуда я знаю? — пожала плечами Романия. — Но шить куклам одежду с вами не собираюсь.

— А что делать будешь?

— Папа и мама лежат с температурой, а в доме нет хлеба, — сказала Романия.

— Ну и что?

— Может быть, сходим все вместе?

— С ума сошла?! — возмутилась Ангелина. — Там такое на улице творится, что нос из дому неохота высовывать!

— Можно подумать, без хлеба с голоду умрем! — поддержала сестру Злата. — Завтра непогода утихнет и сходим в магазин.

— Да! Завтра пойдем! — согласилась Ангелина.

Романия взглянула в окно. Ветер раскачивал деревья так, словно пытался вырвать их с корнем из мерзлой земли,

но снег не шел, хотя небо нависло сплошным темным облаком. Девочка тихонько открыла дверь и вышла на просторную летнюю веранду. Ее зимой не отапливали, и Рома поежилась от холода. Ветер выл, как голодный зверь в лесу, но она смело распахнула дверь на улицу. Силы были неравны, и худенькая невысокая девочка, вцепившись в дверную ручку, чуть не вылетела на крыльцо с порывом ветра. Скользя на бетоне крылечка, сплошь покрытого льдом, она кое-как сумела вернуться в дом и закрыть дверь.

Романия зашла в свою спальню. В большом доме Фоменко была одна большая комната для девочек, где каждая из них имела свой стол для занятий, полочку для книг и шкаф для одежды, а вот спальня у каждой была собственная. Романия очень любила свою комнату, свое небольшое личное пространство, где она занималась своими делами. Никто не мог ворваться в ее маленький мир, так как отец поставил на двери спален дочерей замки. Девочка любила уединяться в своей комнатке и просто мечтать о чем-то хорошем.

Запершись в спальне, Рома подумала, что сходить в магазин за хлебом кому-то придется. Маме хлеба требовалось немного, а вот папа мог съесть за обедом полбуханки, даже пельмени без хлеба не ел. Девочка знала, что родители не пойдут сегодня в магазин, поскольку лежат с высокой температурой, сестры отказались, значит, надо идти ей. Романия представила себе, как принесет в дом хлеб и как обрадуется отец.

«Папа скажет: “Какая у меня хорошая дочь Рома! Никто в такую непогоду не вышел из дома, а Ромашка решилась!”» — мечтала девочка, доставая из шкафа теплую одежду.

Заметно хромя на правую ногу, она присела на невысокий стульчик и поверх колготок надела шерстяные

вязанные носки. В ее правой ноге, которая была короче левой с рождения, стояла металлическая пластина, и при малейшем морозе эта нога у нее сильно мерзла. Девочка тихонько вышла из своей спальни, на кухне достала деньги на хлеб из шкатулки. Доступ к этой шкатулке имели все в доме — там всегда лежала определенная сумма на продукты. Поэтому Романия со спокойной душой отсчитала, сколько нужно, взяла пакет для хлеба, в коридоре натянула на голову вязаную шапочку, не забыла и про шарфик, а рукавички лежали в кармане куртки. Тихо, чтобы не потревожить больных родителей, девочка вышла на улицу.

Морозный ветер сразу же безжалостно набросился на нее, ударил в лицо невидимыми колючками. Романия подняла воротник куртки и, прихрамывая, смело двинулась навстречу ветру.

По земле, ставшей похожей на сплошной каток, идти было трудно. Она хромала и все время скользила по льду. Рома перешла на обочину дороги, где лежало хоть немного снега. Так идти стало легче, и, довольная, она ускорила шаг. На улице не было никого, будто из поселка исчезли все жители, даже собаки спрятались в будки и не лаяли.

Девочка преодолела половину пути, когда заметила мужчину, идущего ей навстречу. Она узнала своего соседа дядю Гришу.

— Ромашка, куда это ты собралась? — спросил он, поравнявшись с девочкой.

— В магазин за хлебом, — ответила Рома и потеряла варежкой кончик носа.

— Тебя родители в такую непогоду погнали за хлебом?

— Нет, я сама пошла.

— Детонька, возвращайся домой, магазин закрыт, продащица заболела, да и хлеб по такому гололеду в наше

Липовое никто не повезет. Автобусы рейсовые и те сегодня не пустили.

— Да? — переспросила девочка.

— Довести тебя домой?

— Нет-нет! Я сама дойду! — ответила Романия.

Ей нередко казалось, что помощь предлагают из-за ее хромоты, и в таких случаях Рома всегда отказывалась ее принимать.

— Ну, смотри сама, — сказал сосед, — а то ветром унесет!

Романии ничего не оставалось, как вернуться домой. Дядя Гриша быстро ее опередил, потом повернулся и помахал рукой. Девочка добралась до трассы, которая вела в райцентр. До соседнего села Яблоньского было не так уж и далеко. Летом Романия с сестрами несколько раз ходила туда в магазин пешком.

«В Яблоньском мог остаться вчерашний хлеб, — подумала Романия. — Пока не метет снег, а только ветер, я успею сходить туда и вернуться».

Девочка повернула в сторону соседней деревни. Она ускорила шаг, но сразу же поскользнулась и растянулась на льду так, что шапочка слетела с головы. Рома оглянулась: никто не видел, как она упала? Вокруг — ни души, только унылый вой ветра. Ей пришлось снова идти по обочине дороги, где можно было зацепиться подошвами сапожек за лежалый снег. Ветер дул ей в спину, подгоняя вперед. Казалось, что он пронизывает холодом до самих костей, но Романия не собиралась отступать: она решила сходить в магазин и принести хлеб, значит, так и сделает.

Дорога до соседнего села летом казалась девочке короткой, а сейчас у нее появилось ощущение, что она не двигается вперед, а топчется на месте.

«Неправда! Я иду вперед, и, чтобы дорога показалась короче, буду считать свои шаги, — решила она. — Один, два, три, четыре, пять...»

Романия успела досчитать до трехсот, когда услышала позади гул машины. Она обернулась и увидела на дороге грузовик.

«Если там незнакомый водитель и он будет предлагать подвезти, я не сяду», — мелькнула мысль.

Девочке стало страшно. А вдруг в грузовике маньяк-насилник? Ей некуда было спрятаться, некого позвать на помощь, и она решила идти, не оглядываясь. Гул машины приближался. Вот она уже позади Романии, совсем близко! Девочка сделала неосторожный шаг, поскользнулась и перед тем, как провалиться в темную пропасть, успела увидеть перед собой большой грузовик.

Романия открыла глаза и не поняла, где она и что произошло. Она резко подняла голову, но дикая боль пронзила все тело, и она снова провалилась в темноту. Через некоторое время девочка снова открыла глаза, теперь стараясь не делать резких движений. Над собой она увидела небо, темное, зловещее и ужасно холодное. Что-то жидкое потекло по лицу, попало в глаза, окрасив темно-синее небо в красный цвет. Она медленно поднесла правую руку к глазам, протерла их и на ладонях увидела кровь. Болели висок и правая нога. Романия попыталась пошевелить ногой, но снова резкая боль пронзила все ее тело от пятки до головы, и девочка потеряла сознание.

Сколько времени Романия пролежала теперь, она не знала. Придя в себя, она уже не пыталась шевелиться. Глаза не открывались — они были залиты чем-то теплым. Девочка вспомнила, как услышала позади шум грузовика,

потом поскользнулась и упала. А затем в одно мгновение пришла боль и она провалилась в темноту.

«Меня сбила машина, — внезапно осознала она. — Но где она? Где водитель грузовика?»

Ей стало страшно. Романия предположила, что пластина в ее ноге лопнула и теперь она не сможет идти, а на улице ветер и мороз. Девочка протерла глаза холодной ладонью и сразу же зажмурилась — с неба сыпал густой снег. Она дотронулась до лба и нашла там рану, которая болела и кровоточила. Романия потихоньку повернулась на бок и увидела, что ее шапочка валяется в нескольких метрах от нее на дороге, уже припорошенная снегом. Неподалеку от головного убора лежала ее варежка.

«Надо доползти до них, иначе я замерзну», — подумала она.

Перекатываясь с боку на бок, теряя сознание, Романия сумела добраться до своей одежды. Она натянула вязаную шапочку на голову, надела варежку, но это не спасло ее от холода. Ее знобило так, что стучали зубы. Дальше двигаться она не могла, поэтому свернулась клубком посреди дороги в надежде, что ее заметит проезжающий мимо автомобиль и довезет домой. Романия приложила варежку к ране на голове, но кровь не останавливалась, и вскоре ледяная корка дороги окрасилась в красный цвет. Девочке стало страшно так, как никогда в жизни. Она была одна-одинешенька, вокруг — только поля и заунывный вой разгулявшейся на просторе вьюги. Романии хотелось плакать от отчаяния и беспомощности, и наконец слезы хлынули у нее из глаз. Никто не услышал ее призывов о помощи, и Романия, спрятав под себя ладони, улеглась поудобнее и закрыла глаза — ее клонило в сон.

Романия не могла понять, не снится ли ей это, когда ощутила теплое и нежное прикосновение к ране на голове.

Ей хотелось снова уснуть, но любопытство победило — она с трудом подняла тяжелые веки. Прямо перед своим лицом она увидела что-то непонятное — большие зубы, шерсть... И только когда «чудовище» лизнуло ей рану, она поняла, что это собака. Обыкновенная дворняжка почти сплошного черного окраса, с вислыми ушами. Собака, увидев, что девочка смотрит на нее, радостно вильнула хвостом и облизала ей лицо. Ее язык был мягким, не шероховатым, как у котов, и теплым.

— Боня! — произнесла Рома хрипловатым голосом. — Бонечка, не бросай меня!

Почему именно Боня, девочка не знала. Такая кличка пришла ей на ум сразу, когда она увидела рядом с собой дворняжку. Шерсть собаки была тоже припорошена снегом, который повалил с неба сплошной белой массой, но Боня, в отличие от Ромы, периодически от него отряхивалась. Романин стало не так страшно и одиноко, когда Боня, лизнув девочку в кончик носа, легла на дорогу рядом, прижавшись к ней всем телом. Рома чувствовала, как Боня дрожит от холода, поэтому обняла ее, прижала к себе. И ее снова сморил сон.

Мать и отец отказались ужинать, когда Ангелина накрыла на стол.

— Молока теплого попью на ночь, и все, — сказала Любовь Валентиновна.

— А мне чай принеси, дочка, — попросил Павел Тихонович. — Придавил грипп меня неслабо.

Ангелина принесла напитки родителям, и они попросили ее уйти, чтобы она не подхватила инфекцию.

— Сами ужинайте, — сказала девочке мать.

— Хорошо, — ответила Геля.

— И не забудьте о Ромашке, — напомнил отец.

— Не забудем, — пообещала Ангелина.

Злата уже сидела за столом на кухне и уминала тушеный картофель с утятинной. Геля присоединилась к ней, и, когда девочки поели, Злата сказала, что надо бы позвать Рому.

— Можно подумать, что она не слышит, как мы тут звеним посудой! — недовольно произнесла Геля. — Как королеве, нужно особое приглашение на ужин!

— Может, она уснула в своей комнате? Пойду позову, а ты мне чаю налей.

— Сходи, пусть соизволит подняться с постели и прийти на все готовое.

— Не злись, — улыбнулась Злата, выходя из кухни.

Девочка постучала в комнату сестры, но никто не ответил. Она толкнула дверь — было не заперто, кровать Ромы аккуратно заправлена, но самой ее в спальне не оказалось.

— Ромашка! — позвала она. — Ты где?

Никто ей не ответил. Злата заглянула во все комнаты, даже проверила туалет и ванную, но сестры нигде не нашла.

— Ромки нигде нет, — сказала она Геле, вернувшись на кухню.

— Как это нет? — Сестра удивленно вскинула брови и взглянула в окно. — Может, пошла дорожки во дворе от снега чистить?

— По такой метели?

— А что? Она ведь у нас не от мира сего, — заметила Геля. — От нее можно чего угодно ожидать.

— Я выйду из дома, посмотрю, — сказала Злата.

Она обула мамины большие резиновые калоши, закуталась в ее пуховый платок и вышла на крыльцо. Снег сыпал с такой силой, что вокруг ничего не было видно, к тому же на улице уже стемнело.

— Ромашка! Ты где? — крикнула девочка в темноту.

Дорожки явно никто не чистил, и Злата прошла по двору до калитки, проваливаясь по колени в снег. Она выглянула на улицу — нигде ни души, словно люди в поселке вымерли, дав возможность разгуляться и всюю хозяйничать метели. Поеживаясь от холода, Злата вернулась в дом.

— Ее нигде нет, — сказала она сестре.

— А ты хорошо в доме искала? — спросила Геля.

Злата кивнула, но Ангелина решила сама проверить все комнаты. Вернувшись на кухню, она застала Злату за мытьем посуды, только миска Романии стояла нетронутая на столе.

— Ромки действительно нет в доме, — сказала Геля. — Я заметила, что нет ее сапожек, шапки и куртки.

— И что... это значит? — растерянно произнесла Злата.

— Она куда-то ушла из дому. Наверное, к своей крестной! — после паузы воскликнула Ангелина. — Точно! Она у нее! Как мы сразу не догадались?

— Тогда почему крестная не позвонила нам?

— Может, и звонила, но мы не услышали, — предположила Геля.

— Надо маме и папе все рассказать.

— Давай подождем до девяти вечера. Если не объявится, тогда и скажем родителям!

— Нам может влететь за это, — тихо произнесла Злата. — Лучше сразу сказать.

— Мы не нанимались ей в няньки! — недовольным тоном пробурчала Ангелина. — В конце концов, она не маленький ребенок.

— И родились мы все трое в один день, — добавила Злата в знак согласия с сестрой.

Девочки включили телевизор, чтобы отвлечься, но время все равно тянулось ужасно медленно. Они прислушивались к каждому звуку, доносящемуся с улицы, но

слышали только завывание ветра, да еще ветвь старой яблони била в окно. Сестры посматривали на настенные часы, и, как только они показали девять, девочки вздохнули и отправились в комнату родителей.

— Можно? — постучав в дверь, спросила Злата.

— Да! Заходи, — ответила мать. — Что там у вас? Все нормально?

— Да, у нас все хорошо... — запинаясь от волнения, сказала Ангелина. — Только вот... Ромашка...

— Что с ней? — с тревогой спросил отец.

— Не знаем, — проямлила Злата.

— Не понял. — Отец приподнялся на кровати и посмотрел на Злату. — Как это «не знаем»? Вы не знаете, что с вашей сестрой?

— Не знаем, потому что ее нет дома. — Геля пришла на выручку Злате.

— Нет дома? В такую непогоду?! — Мать вскочила с постели и накинула халат. — Куда она пошла?

— Мы же говорим, что не знаем, — ответила Злата. — Рома нам не докладывала.

— И давно ее нет дома?

— Не знаем, — опустив голову, ответила Злата.

— Когда вы заметили, что Ромашки нет? — спросил Павел Тихонович.

— Часа полтора назад, — призналась Геля. — Она не пришла на ужин, и мы...

— И вы до этого времени молчали?! — вскипел отец. — Почему нам с матерью не сказали сразу, что сестры нет дома?!

Злата с Гелей переглянулись, и Ангелина ответила, что они решили не тревожить родителей, предположив, что Рома ушла к своей крестной. Павел Тихонович бросился к телефону в коридоре, но, приложив ухо к трубке, сказал, что нет связи. Он принялся поспешно одеваться.

— Я с тобой! — сказала ему жена.

— Вы все, — он взглянул каждой из присутствующих в глаза, — остаетесь дома. Ясно?

Никто перечить не стал, и Павел Тихонович, подняв воротник дубленки, вышел из дома. Он вернулся через полчаса, весь засыпанный снегом. Сняв дубленку и шапку, отряхнул их, повесил на вешалку и сказал:

— Ромашки у крестной не было. Я прошелся по улицам, но ее нигде нет.

— Надо идти к участковому, — дрогнувшим от волнения голосом произнесла Любовь Валентиновна.

— Не дурак, сам знаю, — пробурчал Павел Тихонович. — Был я у него. Телефон и у него не работает, так что в район сообщить нет возможности.

— Но... Мы же не будем сидеть дома, в тепле, когда на улице наступает ночь и такая метель. — Любовь Валентиновна закусилла нижнюю губу от волнения. — Надо организовать поиски Ромашки.

— Как? — спросила Ангелина и сразу же пожалела, что подала голос. Отец исподлобья бросил на нее осуждающий взгляд.

— Сидите дома, а я пойду подымать мужиков, будем искать дочь с фонарями, — сказал он и снова стал одеваться.

Павел Тихонович ушел, а Любовь Валентиновна расплакалась.

— Как вы могли?! Почему молчали? Неужели вам безразлично, что случилось с Ромашкой?! — упрекнула она девочек.

— Мы не думали... Мы же не знали, — тихо произнесла Злата.

— Идите в свои спальни и носа оттуда не высовывайте! — в сердцах бросила мать и пошла на кухню выпить успокоительное.

Отец вернулся в три часа ночи, усталый и хмурый.

— Нигде нет, обошли все улицы, — сказал он жене.

— О боже! — заплакала та. — Неужели ее никто не видел?

— Гришка, наш сосед, встретил ее еще засветло, — проговорил Павел Тихонович, раздеваясь. — Рома шла в магазин за хлебом, он ей сказал, что там закрыто, и она, по его словам, повернула домой.

— Я пойду ее искать, сама пойду, я найду мою девочку, — взволнованно повторяла женщина, ища свой платок.

Павел Тихонович взял ее за плечи, слегка встряхнул и посмотрел прямо в глаза.

— Люба, поверь мне, мы все обошли, все холмики осмотрели — нигде Ромашки нет.

— Тогда где она?! — воскликнула в истерике его жена. — Скажи мне, где наша дочь?! Что с ней случилось?!

Он обнял ее, прижал к себе, погладил по спине, вздрагивающей в рыданиях.

— Нам остается только ждать утра, когда рассветет и будут чистить дороги, появится связь... Все будет хорошо. Поверь мне.

Любовь Валентиновна сидела у кровати Романии, накинув на плечи белый халат. После того как девочку нашли на дороге, почти замерзшую, окровавленную, ее прооперировали, и три дня она находилась в реанимации районной больницы. На четвертый день, когда Романия стала ненадолго приходить в себя и ее состояние более-менее стабилизировалось, больную перевели в общую палату и разрешили матери с ней увидеться.

— Боня, Бонечка, ноги... Мерзнут ноги... Ложись к моей спине... Больно... Голова болит... Боня, мы же не замерзнем? Нас не занесет снегом? — металась девочка в бреду.

Мать смочила марлю в воде и приложила ее к растрескавшимся губам дочери. Та немного успокоилась и только тихо повторяла: «Боня, Бонечка, не уходи от меня, не бросай одну».

Кто такая Боня, Любовь Валентиновна могла только догадываться. Утром из района выслали бульдозер для расчистки дорог и грузовик с песком, чтобы посыпать скользкую трассу. Водитель бульдозера увидел посреди дороги холмик, но решил, что это сугроб, и, возможно, наехал бы транспортом на девочку, если бы из этого сугроба не выскочила дворняга, которая начала лаять, время от времени поглядывая на снежный холм.

Водитель вышел из бульдозера и, подойдя ближе, заметил лежащую на дороге Романию. Ее сразу же отправили в районную больницу. Когда восстановили телефонную связь, в милиции узнали, что накануне вечером пропала девочка одиннадцати лет из Липового. Сразу же сообщили родителям, и они приехали в больницу, где в едва не замерзшем ребенке узнали свою дочь Фоменко Романию. Медсестра, которая принимала больную в приемном покое, рассказала, как ее нашел бульдозерист благодаря собаке. Поэтому Любовь Валентиновна предположила, что дворняжку зовут Боней, но как Ромашка оказалась на дороге с собакой, она не знала.

— Боня, согрей меня, — просила девочка, кого-то ища руками.

Мать взяла ее руки в свои — они пылали жаром. Она ничем не могла помочь дочери — врачи кололи ей антибиотики, ставили капельницы два раза в день. Иногда Романия открывала глаза и смотрела на мать, но взгляд ее был лишен сознания. Только к вечеру девочка тихонько произнесла:

— Мама? Это ты?

— Да, Ромашка, это я, твоя мама.

— А где Боня? — взволнованно спросила Рома.

— Боня? Кто это?

— Это... Это моя Боня... Мы с ней провели ночь на дороге. Где она? Она замерзла?

— Я не знаю, где она, — призналась женщина.

— Эта Боня спасла ей жизнь, — сказала медсестра, которая пришла ставить капельницу и услышала разговор. — Собака лизала ей рану на голове, остановив кровотечение, а потом теплом своего тела согрела до утра.

— Это не опасно? — спросила ее Любовь Валентиновна.

— Что именно?

— То, что собака лизала рану.

— А лучше бы девочка к утру истекла кровью? — проворчала медсестра, ища на руке Романии вену.

Когда она ушла, мать спросила Рому, как та оказалась на дороге.

— Наш магазин был закрыт, и тогда я решила сходить в Яблоньское за хлебом.

— Зачем?! В такую непогоду!

— Я хотела порадовать тебя, а особенно папу, — объяснила Романия. — Он ведь все любит есть с хлебом. Если бы я не поскользнулась и не упала, машина меня не сбила бы и я бы до темноты вернулась домой.

— Ладно, отдыхай, набирайся сил.

— Мама, я сломала в ноге пластину?

— Сломана нога выше пластины, теперь их будет у тебя две.

— И я буду еще больше хромать?

— Наоборот. Врач сказал, что нога немного удлинится. Так что все будет хорошо.

— А как же Боня?

— Ты сегодня отдохни, а завтра поговорим о ней. Договорились?

— Боня жива?

Женщине пришлось сказать, что Боня жива, чтобы дочь успокоилась и уснула.

Павел Тихонович зашел на кухню, открыл холодильник и сразу же его закрыл. Он давно не ел: сначала не было аппетита из-за болезни, потом — от переживаний за Романию. Коварный грипп все еще не хотел отступать, хотя температура уже понизилась. Под ложечкой сосало, но запах пищи вызывал отвращение, и он решил обойтись кружкой молока на ночь.

Его жена Люба уже несколько дней находилась в районной больнице рядом с дочерью и не хотела уступать свое место мужу. Сегодня днем она позвонила домой и сказала Павлу, что Ромашка пришла в себя. Он сразу же пожелал приехать на своем «москвиче» в больницу, но жена попросила его не торопиться. Павел подогрел на газовой плите кружку молока, добавил туда чайную ложку меда, поставил на стол и принялся помешивать напиток.

Он погрузился в воспоминания и уже машинально двигал ложкой в кружке с молоком. Почему-то вспомнилась молодость, когда он, высокий и плечистый брюнет, всегда находился в центре внимания местных девушек. Он встречался то с одной, то с другой, забывая о предыдущих, выбирал новую пассию. Ему было двадцать пять лет, а он и не думал о женитьбе. Все изменилось за один месяц. От рака легких умер его отец, а мать ушла за ним через две недели — сердечный приступ. Когда юноша остался совсем один, без родителей, братьев и сестер, он впервые задумался о будущей судьбе.

И то ли так совпало, то ли было предназначено свыше, но он, заведующий гаражами в колхозе, впервые другими глазами посмотрел на бухгалтершу Любу. Он и раньше видел ее не раз, но почему-то не обращал внимания на скромную девушку-ровесницу. Может быть, потому, что Люба ни разу не посмотрела на него влюбленным взглядом, не флиртowała, а вела себя с ним так, как со всеми остальными рабочими.

Павел был в конторе колхоза по делам, когда Люба прошла мимо него, бросив на ходу тихое: «Доброе утро». Он посмотрел ей вслед и только тогда заметил, какая у нее красивая фигура, тоненькая талия и стройные ноги. Ни минуты не мешкая, Павел забежал в бухгалтерию, чтобы еще раз увидеть Любу. Она сидела за столом, склонив голову над бумагами. Павел замер, глядя, как Люба поправляет светло-русую челку короткой стрижки, как сосредоточенно всматривается в записи и иногда покусывает нижнюю губу.

На ней не было слоя косметики, даже губной помады, и казалось, что подобные ухищрения были бы лишними, испортили бы ее свежесть и естественную красоту. Впервые при виде девушки сердце Павла готово было вырваться из груди. Он не замечал, что стоит как истукан у двери уже минут пять, уставившись на Любу.

— Глаз положил на бухгалтершу? — Голос председателя колхоза вынудил Павла оторвать взгляд от Любы. — Тебе других девок в поселке мало?

— Да... я... вот... — растерянно промямлил Павел, застигнутый врасплох.

— Не вздумай портить девку, — тихо сказал председатель. — Она не из тех, кто в первый же день к тебе в постель прыгнет. Ясно?

— Ясно, — вздохнул Павел.

С того дня мысль о Любе его не отпускала ни днем, ни ночью. Он впервые не знал, как подойти к девушке, пригласить ее в клуб на танцы. Несколько раз подступал к ней, но терялся, и слова застревали в гортани.

«Может, меня тянет к ней, потому что она недоступна?» — думал он по вечерам, но Люба являлась к нему в снах каждую ночь.

Через десять дней терзаний Павел решил дождаться девушку после работы и пригласить в субботу в клуб.

— Я подумаю, — ответила Люба, едва взглянув на него.

В ту ночь Павел вовсе не мог уснуть, а с самого утра побрился, критически осмотрел свое лицо в зеркале и принялся искать подходящую рубашку.

Люба пришла в клуб, и в тот вечер Павел впервые пригласил ее на танец. Больше всего он боялся, что девушка почувствует, как мелко дрожат его пальцы от волнения, когда он прикоснулся к ее талии и руке. На миг их взгляды встретились, и ее васильковые, широко распахнутые глаза окончательно покорили Павла.

С того времени они начали встречаться каждый вечер, но у юноши даже мысли не было затащить Любу в постель — он дорожил ею больше всего на свете и боялся ее потерять. Спустя месяц Павел сделал ей предложение, и Люба его приняла.

— Отгуляем такую свадьбу, чтобы весь поселок гудел! — на радостях пообещал он невесте.

— Свадьбы не будет, — категорически заявила девушка. — Не прошло и полгода после смерти твоих родителей. Просто распишемся в сельсовете, посидим дома с близкими, и все.

Павел до сих пор не знал, почему Люба приняла такое решение: действительно потому, что недавно умерли его родители, или потому, что его девушка была сиротой,

ее воспитывала бабушка и у них не было лишних денег на свадьбу. Впрочем, все на свете казалось ему не важным, кроме того, что любимая будет рядом с ним, уже навсегда.

Только после заключения брака в сельсовете и скромной домашней вечеринки они очутились в одной постели. Избранница Павла оказалась девственницей в свои двадцать пять лет, и из-за этого Павел стал относиться к ней еще более бережно и нежно. Молодожены поселились в доме родителей Павла. Еще при жизни его отец наметил расширить дом, перекрыть крышу и достроить летнюю веранду, но не успел, хотя все стройматериалы были заготовлены. Задумки отца решил воплотить в жизнь Павел сразу же после женитьбы.

— Дети пойдут, а у нас дом небольшой, — сказал он жене. — Хочется, чтобы они жили в просторных комнатах.

Люба была не против. Дом строился, а она никак не могла забеременеть. Супруги прошли обследование, врачи сказали, что они оба здоровы.

— Тогда почему у нас нет детей? — спросила Люба.

— Значит, еще не пришло время, — ответила врач.

Шли годы. Большой дом уже был выстроен, а дети у них так и не появились. Они еще несколько раз прошли медицинское обследование, и каждый раз врачи разводили руками: они не могли объяснить, почему у здоровой пары нет детей. Павел потерял надежду, когда им было уже за сорок, и предложил взять ребенка из детдома.

— Давай подождем еще года три, — сказала ему жена, и он согласился.

Люба забеременела, когда им обоим исполнилось сорок четыре года. Супруги не верили в такое долгожданное счастье, поэтому, когда врач подтвердила беременность, они решили никому об этом не рассказывать.

В связи с возрастом беременной ее записали в категорию пациентов с риском, и Любе приходилось время от времени ложиться в больницу. Когда Павла спрашивали, где его жена, он отвечал, что в санатории. Лишь тогда, когда выпирающий округлый живот Любы красноречиво засвидетельствовал беременность, в поселке узнали эту новость. Вскоре жена обрадовала мужа: врачи предполагают, что у них будет двойня. Эта новость привела Павла в еще больший восторг.

— Вот и дождался! — воскликнул он. — Всевышний смилостивился и вознаградил наши ожидания двойной радостью.

— Не спеши, — сказала Люба, — надо еще благополучно родить.

— Все у нас будет хорошо, я это чувствую, — успокоил он жену.

Роды начались преждевременно, но женщина была готова к такому развитию событий. Рожала Люба трудно и долго. Сначала у нее приняли первую девочку, которая весила почти два килограмма. Через полчаса родилась вторая — весом кило семьсот грамм. Люба вздохнула с облегчением, но схватки продолжались.

— Похоже, что у вас еще один ребеночек будет, — сказала ей акушер-гинеколог.

Действительно, через полчаса Люба родила третью девочку, совсем маленькую.

— Ровно килограмм и сто грамм, — сказали ей.

— С ней все в порядке? — спросила роженица.

Что-то тревожно екнуло в ее груди, когда она увидела третью дочь. Медсестра с акушеркой переглянулись и заверили Любу, что ребенок нормальный, но сердце матери не обманешь — она почувствовала, что это не так. Она не ошиблась. При выписке ей сообщили, что у малышки небольшие

проблемы с сердцем, но ребенок может это перерастить, а кроме того, ее правая ножка заметно короче левой.

— Вы особенно не расстраивайтесь. Когда девочка подрастет, ей сделают операцию на ножке и все исправят, — заверила Любу врач.

Павел вспомнил, как впервые взял на руки новорожденных, когда забирал жену из роддома. От счастья у него перехватило дыхание. Ему до последнего не верилось, что у них с Любой не один, а сразу три ребенка. Дома они распеленали девочек. Первая была с темными волосами, у второй они оказались посветлее, а у третьей на головке виднелся белый пушок.

— Как мы их назовем? — полушепотом спросил Павел.

— Раз они родились неожиданно и поздно, то давай подберем им редкие имена, — предложила Люба.

— Как скажешь, — согласился счастливый отец.

— Пусть черненькая будет Ангелиной, Гелей, — говорила женщина. — Вторая — Златой, у нее золотистые волосики. А эта, маленькая, беленькая, как ромашечка... Твоя очередь называть, — улыбнулась Люба.

— Ромашка, говоришь? Пусть будет Ромашкой!

— Такого имени нет.

— У нас будет Романия, Рома, Ромашка. Тебе нравится?

— Да! — кивнула жена. — Вот только как быть с ее здоровьем?

— Все у нее будет хорошо! — уверенно произнес Павел. Он обнял жену, нежно поцеловал в губы. — Спасибо тебе, любимая, за дочерей!

Две девочки росли здоровенькими и крепкими, а вот с Ромашкой им пришлось нелегко. Два раза в год девочку клали на обследование в кардиологию, потом подлечивали. Затем были две операции на ноге с перерывом в несколько лет. Ей распиливали кость, вставляли метал-

Содержание

<i>2018 год</i>	7
Часть первая. <i>1994—1998 годы</i>	12
Часть вторая. <i>1999—2000 годы</i>	77
Часть третья. <i>2008—2009 годы</i>	143
Часть четвертая. <i>2012 год</i>	173
Часть пятая. <i>2013 год</i>	197
Часть шестая. <i>2017 год</i>	219
Часть седьмая. <i>2018 год</i>	288

Літературно-художнє видання

ТАЛАН Світлана

Зігріті сонцем

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 28.12.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 7000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ТАЛАН Светлана

Согретые солнцем

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 28.12.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 7000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Три сестры, три різні долі — усе як у казці. Перша сестра вийшла заміж за бізнесмена, який ніколи її не любив, зраджував і не цінував. А коли вона завагітніла — звинуватив у зраді. Друга сестра усупереч батькам пов'язала своє життя з невиліковно хворим хлопцем. А третя поїхала на заробітки за кордон. Там, далеко від дому, у неї зав'язався палкий роман. Повернувшись додому, вона дізнається, що вагітна... Усупереч застереженням лікарів вона народжує «сонячну дитину». Але радість материнства триває не довго і малюк залишається сиротою... У своєму останньому листі жінка просить своїх сестер подбати про найдорожче, про свою дитину. Але чи зможуть вони забути старі чвари, переступити через власну гордість заради маленького серця, якому так потрібні любов і тепло?..

Талан С.

Т16 Согретые солнцем : роман / Светлана Талан. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с.

ISBN 978-617-12-5638-5

Три сестры, три разные судьбы — все как в сказке. Первая сестра вышла замуж за бизнесмена, который никогда ее не любил, изменял и в грош не ставил. А когда она забеременела — обвинил в измене... Вторая сестра наперекор родителям связала свою жизнь с неизлечимо больным парнем. А третья уехала на заработки за границу. Там, вдали от дома, у нее завязался страстный роман. Вернувшись домой, она узнает, что беременна... Вопреки предупреждениям врачей она рождает «солнечного ребенка». Но радость материнства длится не долго и малыш остается сиротой... В своем последнем письме женщина просит своих сестер позаботиться о самом дорогом, о своем ребенке. Но смогут ли они забыть старые распри, переступить через собственную гордость ради маленького сердца, которому так нужны любовь и тепло?..

УДК 821.161.1(477)

Катя знала Сергея с детства. Их свадьба была чем-то само собой разумеющимся. А как иначе? Ведь с ним так спокойно, надежно... Но когда Катя встречает Макса, в ее душе зарождаются сомнения: о такой ли жизни она мечтала? Женщина решается на отчаянный поступок: уходит из дома, хлопнув дверью, а затем бросает и дочь. Но жизнь вносит свои коррективы. Макс оказывается не тем, за кого себя выдавал. Теперь в большом городе Катя пускается в погоню за фальшивыми мечтами. Как далеко пойдет она, прежде чем поймет, что настоящее счастье не купишь за деньги?

В семье Миланы все живут по правилам отца-тирана. Девушка очень боится его гнева и страдает от постоянных унижений. Она не в силах противиться, но втайне мечтает вырваться из дома и начать нормальную самостоятельную жизнь... Вскоре Милана знакомится с Владимиром, который предлагает уехать вместе с ним. Девушка соглашается, но новая семья стала для нее такой же клеткой. Придет время, и она решится на рискованный шаг — сбежит с двумя маленькими детьми на руках... Судьба заставит ее измениться и стать сильной.

Римма боялась перемен. Но когда у нее диагностировали рак, она поняла, что пришло время быть собой и жить так, как хочется. Случайно она встречает необычное газетное объявление — некий Влад ищет опытную зрелую даму, которая научит его понимать, чего хотят женщины и как с ними правильно обращаться. И Римма решает на встречу, ведь ей уже нечего терять. Влад оказывается настоящим принцем: красив, богат, невероятно галантен, но, несмотря на все это, несчастен. Его отвергла та, любви которой он добивался много лет... Римма чувствует, насколько родственные у них с Владом души. Но есть ли у них будущее?

Що робити, коли життєва стежина веде нас до труднощів і негараздів? Як їх подолати? Ця книжка — про найдорожчих, найрідніших, найближчих — про сім'ю. Вчинки батьків і дідів мають безпосередній вплив на сьогоднішні нащадків. Часто діти несуть хрест замість старшого покоління і, опиняючись у скрутних ситуаціях, змушені спокутувати гріхи рідних... Сімейні зв'язки, складні взаємини, переплетіння долі, надія на краще майбутнє і сила любові — усе це чекає на читача на сторінках роману.

